

ИСТИННОЕ ЛИЦО ТОТАЛИТАРИЗМА В РАБОТАХ ХАННЫ АРЕНДТ

А. С. Артюхов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июля 2023 г.

Аннотация: в данной статье предпринята попытка критического анализа работ Ханны Арендт о тоталитаризме, а также основных концепций, таких как «История антисемитизма», «Беспрецедентность тоталитаризма», «Банальность зла». Также анализируются восприятие и критика работ и концепций Арендт в гуманитарном дискурсе. На основании анализа делается вывод о значимости ее концепций для социальной философии.

Ключевые слова: Ханна Арендт, тоталитаризм, банальность зла, этика, философия политики.

Abstract: this article attempts to critically analyze the works of Hannah Arendt on totalitarianism, as well as the main concepts such as «The History of anti-Semitism», «The Unprecedented nature of Totalitarianism», «The Banality of evil». The perception and criticism of Arendt's works and concepts in the humanitarian discourse is also analyzed. Based on the analysis, a conclusion is made about the significance of its concepts for social philosophy.

Key words: Hannah Arendt, totalitarianism, banality of evil, ethics, philosophy of politics.

К началу XX в. в Европе господствовала вера в прогрессивное развитие человечества, т. е. движение от худшего к лучшему и распространяемое этим движением благо в истории. Первый удар по этим надеждам нанесла Первая мировая война: ужасы тоталитарных государств и развязанной ими Второй мировой войны оставили неизгладимое впечатление, влияющее на пострадавшие страны по сей день. В работе «Истоки тоталитаризма» Ханна Арендт пытается найти ответ на вопрос: «Каковы были исторические, экономические и социальные причины, сделавшие существование тоталитарных государств возможными?». Вместе с этим она показывает, почему тоталитаризм не тождествен ни тирании, ни диктатуре.

В первых двух главах Арендт анализирует исторические феномены, которые легли в основу германского тоталитаризма, а именно – антисемитизм и империализм.

Чтобы в полной мере раскрыть влияние антисемитизма на становление тоталитарного режима в Германии, нам необходимо разобрать другое понятие Арендт – «объективный враг». «Главное различие между деспотической и тоталитарной тайной полицией видно из разницы между “подозреваемым” и “объективным врагом”. Последний определяется

исходя из политики правительства, независимо от желания либо нежелания “врага” свергнуть правительство» [1, с. 550].

По мнению Арендт, антисемитизм и неспособность евреев организовать для противостояния ему, их неумение отличить бытовой антисемитизм и политический создали возможность выбрать евреев на роль объективного врага в Германии.

Вторая глава посвящена империализму, в котором, по мнению Арендт, зарождаются идеи и практики, позднее составившие основу германского тоталитаризма: «Некоторые из фундаментальных аспектов этого времени представляются столь близкими тоталитарным явлениям XX в., что, возможно, оправданно рассматривать весь этот период как подготовительную стадию грядущих катастроф» [там же, с. 185]. Именно в ходе империализма зарождаются идеи расизма, политика права сильного, которая делала наращивание и удержание экономического могущества самоцелью.

В анализе империализма Ханной Арендт важную роль играет концепция «эффекта бумеранга», суть которого заключается в том, что люди, непосредственно осуществляющие колонизацию, начинали применять насильственные практики принуждения в ме-

трополии. Далее она вводит различие между Морским и Континентальным колониализмом. Вероятно, это различие нужно для того, чтобы объяснить, почему эксплуатационные практики не привели к возникновению тоталитаризма в других странах. Как объясняет Арендт: «Главное значение континентального империализма, в отличие от “заморского” колониального, состоит в том, что его идея экспансии при сохранении сцепления частей не допускает никакого географического расстояния между порядками и учреждениями колонии и нации, так что ему не надо дожидаться “эффекта бумеранга”, чтобы заставить почувствовать себя и все свои последствия в Европе» [там же, с. 308].

Однако, проводя подобное разделение, Арендт допускает большое количество исторических неточностей, да и сами доводы в его пользу не являются достаточно вескими. Например, ее довод относительно «географического расстояния», состоящий в том, что преодолеть море труднее, чем сушу, является ошибочным: «На деле до изобретения железных дорог и телеграфа сухопутные пространства было труднее преодолевать, чем морские. В середине XVIII в. немецкий ученый Герхард Фридрих Миллер организовал российскую экспедицию в Сибирь. Длина его маршрута, проделанного пешком, верхом и в санях, была почти равна длине экватора, и он преодолел это расстояние за десять лет; по морям капитан Кук огибал земной шар за три года» [2, с. 15].

Проведенный Арендт анализ антисемитизма вызывает много разнообразной критики. В качестве примера критики не совсем адекватной может служить статья историка из чикагского университета Бернарда Вассерштайна «Обвиняя жертву. Ханна Арендт среди нацистов: историк и ее источники». Найти саму статью на данный момент не представляется возможным, однако можно найти статьи на нее ссылающиеся и ее обобщающие [3]. Благодаря статье Ирвинга Луиса Хоровица, написанной в защиту Ханны Арендт, можно найти и основные тезисы Вассерштайна: «В то время, когда выдающиеся историки отвергали идею тоталитаризма и разочаровывались в ней, ее работа в этой области не объясняла этого обобщения... Эта концепция была включена в разговорный язык 1960-х и 1970-х годов только потому, что в то время она служила полезным идеологическим целям “воинов холодной войны”... Бремя ее более поздней работы заключается в обвинении еврейских жертв, а не преступников-антисемитов... В ее критике собственного еврейского народа всегда была особая острота. Иногда она целиком впитывала ядовитый антисемитизм, зародившийся в веймарский период, большая часть которого была скрыта в нацистской литературе того времени» [4].

Следует отметить, что критика Вассерштайн излишне эмоциональна, но не лишена смысла, что показывают две другие статьи, которые мы относим к примеру адекватной критики. Имеются в виду статьи Петера Штауденмайера «Анализ антисемитизма Ханной Арендт в истоках Тоталитаризма: Критическая оценка» [5] и Шломо Авинери «В чем Ханна Арендт была права» [6] (на последнюю Штауденмайер ссылается в своей работе).

Штауденмайер и Авинери отмечают, что Арендт была первопроходцем в анализе тоталитарных государств и является одной из тех, благодаря которым мы отделяем тоталитарные государства от диктатур и тираний; также они высоко оценивают вклад Арендт в постколониальную теорию и привлечение внимания к вопросу антисемитизма. Вместе с этим они отмечают, что главы «Истоков Тоталитаризма» об антисемитизме и империализме изобилует фактологическими ошибками, которые надо иметь в виду при прочтении данной работы.

Штауденмайер и Авинери, как и Вассерштайн, отмечают использование Арендт антисемитских и нацистских источников. Но Штауденмайер и Авинери объясняют суть проблемы: часто Арендт выбирает антисемитов и нацистов, которые даже среди антисемитов и нацистов считались радикалами. В частности, это касается Вальтера Франка, на которого она ссылается как на «ученого, который не был шарлатаном», при этом Франк был ответствен за очищение Нацистского университетского пространства от всего еврейского и был ангажирован в вопросах о «роли евреев в истории Германии». Она также часто ссылается на незначительных антисемитов, но не упоминает человека, который ввел термин «антисемитизм» и был одним из видных его идеологов, – это Вильгельм Марр.

Кроме того, Штауденмайер и Авинери критикуют Арендт за разделение евреев на «банкиров», которые чаще всего были придворными евреями, и «интеллектуалов», которые были антагонистами «Банкиров», ведь эти прослойки были меньшинством. Таким образом, от анализа ускользает другая часть еврейства, не имевшая высокого статуса, и получается будто бы их вообще не существовало: «Евреи были поставщиками во время войн и слугами королей, но сами не участвовали в конфликтах, да от них этого и не ожидали» [1, с. 57].

Авинери отмечает, что она переоценивает роль евреев в становлении империй, к примеру, Англия, Франция и Испания стали империями, когда там либо не было евреев, либо их количество было незначительно и они не занимали высоких должностей. Также он оспаривает утверждение Арендт об аполитичности евреев, отмечая, что евреи были не только идеологами различных социалистических движений

как пример: Карл Маркс, Эдуард Бернштейн, Фердинанд Лассаль, но также активными участниками революций (например, можно вспомнить революционное движение в Российской Империи). Арендт игнорирует это, несмотря на то что все эти факты были действительной основой антисемитизма.

Штауденмайер также замечает, что, оценивая действия «Богатых евреев», например, Герсона Блейхредера, Арендт делает это односторонне, представляя его как слугу Бисмарка и человека безразличного к проблемам еврейства. Это утверждение, показывает Штауденмайер, не соответствует свидетельствам его биографа Фрица Штерна, в которых последний сообщает, что, хоть он и не был однозначно положительным человеком, он также не был и исключительно подчиненным Германской империи, безразличным к судьбе еврейства, и не только «богатого».

Стоит отметить, что книга Фрица Штерна вышла после смерти Арендт, но еще при ее жизни было издано множество авторитетных работ историков, посвященных антисемитизму (например, работа Льва Полякова «История антисемитизма»), которые она, тем не менее, не учла даже в ходе редакций. Как отмечали Штауденмайер и Авинери, это, хоть и не обесценивает труда Арендт, означает то, что читателям стоит быть осторожными при прочтении первых двух глав, изучая сторонние источники для лучшего понимания проблемы. Говоря об «антисемитизме» Арендт, авторы отмечают, что, вероятно, она действительно усвоила некоторые стереотипы о евреях, которыми потом руководствовалась сама, в том числе при написании работы, но это не делает ее антисемитом.

Главная же проблема заключается не в фактологических ошибках и «антисемитизме» Арендт, а в том, что она описывает тоталитаризм как «беспрецедентное». Тоталитарные государства не изобрели ни антисемитизм, ни убийства, ни концентрационные лагеря, ни пытки, однако они сделали этот набор центром своей политической идеи и развязали войну, аналогов которой не было в истории. Это утверждение подводит нас к мысли о том, что тоталитаризм нельзя просто вывести из предшествующих исторических практик, и сама Арендт делает на этом акцент: «В предыдущих главах мы неоднократно подчеркивали, что не только средства осуществления тотального господства куда более радикальные, но что и сам тоталитаризм существенно отличается от всех иных форм политического подавления, известных нам как деспотизм, тирания или диктатура. Где бы тоталитаризм ни приходил к власти, везде он приносил с собой совершенно новые политические институты и разрушал все социальные, правовые и политические традиции данной страны» [1, с. 597].

Мы приходим к выводу, что предыдущие главы дают объяснение антисемитизма, для понимания

которого, однако, лучше ознакомиться с другими источниками, а также предоставляют теоретический инструмент в виде «эффекта бумеранга», который может быть полезен в постколониальном анализе. Тем не менее Арендт не удается справиться с главной задачей – объяснить, почему тоталитаризм возник именно в Германии, хотя она и критикует позиции Лумана, Адлера, Блоха и других за их попытки представить тоталитаризм как логичный итог развития предшествующих социальных процессов.

При этом сами термины «тоталитаризм» и его «беспрецедентность» мы не считаем излишними. Как уже было сказано, огромное количество практик, которые легли в основу, были и ранее, но это не объясняет ни того, почему они стали основой тоталитарных государств, ни того, почему тоталитарные государства не возникли в других странах, в которых все эти практики также реализовывались. Два этих аспекта необходимы в изучении негативного влияния, которые они оказали почти на весь мир.

Схожую точку зрения высказывает Питер Бэр (Peter Baehr) в статье «Выявление беспрецедентного: Ханна Арендт, “тоталитаризм” и критика социологии». В данной статье демонстрируется, что беспокойство Арендт об «объективной» оценке социологии было не необоснованным и дает более точное определение «беспрецедентности»: «Если мы переведем собственные философские формулировки Арендт на более аналитический язык, мы могли бы сказать, что событие имеет прецедент, если возможно идентифицировать другое событие, имевшее место в более раннее время и достаточно похожее на более позднее событие в соответствующих отношениях. Суть вызова предшествующего события заключается в том, что оно лучше понимается, чем более недавнее событие, привлекавшее наше внимание. Событие считается “беспрецедентным”, если невозможно идентифицировать более раннее событие, которое в достаточной степени сопоставимо с более поздним событием в соответствующих отношениях» [7, с. 822].

Он также предпринимает попытку разрешения вопроса о том, как возможно, что нечто, беря за основу уже сложившиеся практики, становится беспрецедентным? Его ответ таков: «Если термин “беспрецедентный” означает вообще какую-либо связанность, то он должен относиться к чему-то резко отличающемуся от всего ранее нового и ранее известного, лишенному институционального ряда или родословной и не регулируемого никакими предыдущими соглашениями или обычаями. Как минимум, это означает, что беспрецедентные события отличаются от тех явлений, с которыми мы уже знакомы и которые явно или подспудно стали частью социального и политического порядка. Эти события и тенденции помогают формировать свои беспрецедент-

ные аналоги; последние, как и все остальное социальное или политическое, исторически обусловлены. Но, скажем, беспрецедентные события или эпизоды создают цензуру, которая не просто рекомбинирует, но, что более важно, метаморфозирует предыдущие способы организации неожиданным образом. Результатом является нечто не просто новое, но уникальное в своем роде. Теперь в той степени, в какой что-то оригинально, это невозможно было предсказать, хотя это не означает, что всё непредсказуемое оригинально» [7, с. 823].

Вместе с этим существуют и попытки критиковать «беспрецедентность» тоталитарного режима с правовой точки зрения: если злодеяния тоталитарного режима «беспрецедентны», то их нельзя судить. Здесь, на наш взгляд, происходит ложный вывод, ведь, когда речь идет о «беспрецедентности», имеется в виду, что все преступления, совершенные тоталитарными режимами и имеющие под собой правовой прецедент, были реализованы конкретным «беспрецедентным» образом, на определенной территории так, а не иначе, что не означает, что они не могут быть встроены в существующую юридическую практику. Хотя в каком-то смысле суд над преступниками Третьего Рейха также был «беспрецедентным», потому что осуществлялся впервые в истории международным трибуналом.

Помимо всего прочего, подобное уточнение еще сильнее снизит вероятность использования риторической манипуляции, событие применения которой получило название «закон Гудмана»: вероятность сравнения позиции оппонента или его самого с Гитлером тем выше, чем дольше длится политический спор.

В заключение относительно «Истоков Тоталитаризма» стоит отметить, что та часть критиков, которая не оспаривает «беспрецедентность» тоталитарных режимов, не имеет претензий к анализу непосредственно самого тоталитаризма. Стоит, однако, отметить, что анализ Арендт сконцентрирован исключительно на Нацистской Германии, что она и сама подчеркивает. Сталинский СССР и Китай при Мао Цзэдуне ею почти не затрагивались. Также следует учитывать, что Арендт, описывая тоталитарный режим обреченным на разрушение, сама была свидетелем того, как СССР после Сталина стал диктатурой. В этом отношении Арендт не предоставляет возможности тоталитарным режимам эволюционировать, хотя дальнейший исторический опыт показывает, что, пока в одних тоталитарных режимах предпринимались попытки реформ (например, в Китае), другие продолжают свое существование без конкретных признаков разрушения государства (случай Северной Кореи, где правит уже третье поколение тоталитарных вождей). Эти оговорки являются не столько критикой

самой Арендт, сколько нюансами, которые нужно учитывать при современном анализе тоталитарной теории.

Говоря о работе «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме», следует отметить, что ее критика не так точна и обоснована, как критика «Истоков тоталитаризма». Так, основные критические тезисы состоят в следующем: Арендт обвиняет жертву; Арендт ставит точку в размышлениях о природе Зла; утверждение, что кто угодно может стать Эйхманом, есть результат недостаточной этической рефлексии; Эйхман был не простым гражданином, а злостным манипулятором.

Тезис «Арендт обвиняет жертву» не может считаться верным – он основан либо на основании ее критики еврейства в «Истоках Тоталитаризма», либо на основании ее критики деятельности Юденрата. В первом случае Арендт в анализе антисемитизма говорит о евреях как о аполитичных, что сделало их неспособными увидеть опасность политического антисемитизма, пусть это и фактологическая ошибка, но это нельзя назвать обвинением жертвы. Что касается неоднозначной оценки деятельности Юденрата, то на эту тему до сих пор нет консенсуса в академическом сообществе. В действительности, когда Арендт проводит анализ политики террора и концентрационных лагерей, она доказывает, что посредством этих двух элементов делалось всё для уничтожения идентичности евреев, с одной стороны, и уничтожения желания у неевреев им помогать – с другой, что, в свою очередь, объясняет их неспособность к сопротивлению внутри лагерей. Углублению Арендтовского понимания сущности лагеря может послужить труд бывшего узника лагерей и философа Жана Амери «По ту сторону преступления и наказания, попытка одоленного одолеть», в котором он описывает, как евреям запрещалось идентифицировать себя как нормального гражданина под страхом насилия: «Как-то раз один товарищ на вопрос о профессии безрасудно сказал правду, что он германист, чем вызвал жуткий припадок бешенства у эсэсовца» [8, с. 29].

Попытки представить Эйхмана хитрым манипулятором, пытавшимся перехитрить суд, т. е. доказать, что зло вовсе не банально, обычно базируются на «Аргентинских дневниках» Эйхмана, записанных Уильямом Сассеном, в которых он более откровенно заявляет о своей приверженности идеям Рейха и анализ которых был проведен в книге Беттины Штангнет «Эйхман до Иерусалима. Спокойная жизнь массового убийцы» [9], которую некоторые преподаватели как опровержение идеи Арендт о «банальности зла». В действительности книга расширяет послевоенную биографию Эйхмана, при этом не вступая в противоречие с идеями Арендт. Проблема заключается в том, что речи о верности рейху, идеализме и гордости за массовые убийства Эйхман произносил

и непосредственно в Иерусалиме. Между тем критиками игнорируется роль пропаганды и средств массовой коммуникации, на которую Арендт делает акцент в обеих работах, в частности, выделяя «языковые нормы», которые, с одной стороны, были необходимы для общения с представителями не тоталитарного мира, а с другой – выполняли роль психологического барьера, исполняющего приказы гражданина (например, «убийство газом» заменялось «медицинской процедурой» или «способом умерщвления, гарантирующим людям милосердную смерть»). Именно усвоенность этих языковых норм и показывает Арендт: «Когда следователь полиции спросил Эйхмана, не кажется ли ему, что директива о том, что следует избегать “ненужных мучений”, звучит несколько иронично, ввиду того что людей ждала неминуемая смерть, тот даже не понял вопроса» [10, с. 164].

Еще одно доказательство влияния пропаганды на изменения человеческой психики демонстрирует прецедент руандийского геноцида, изученный гарвардским экономистом Дэвидом Янгизавой-Дроттом в работе «Пропаганда и конфликт. Теория и доказательства из руандийского Геноцида» [11], в которой он выявил закономерность между количеством осужденных за участие в геноциде и качеством радиочастот в населенном пункте. Чем лучше было качество сигнала, тем выше было количество осужденных.

Существуют и попытки экспериментально доказать теорию Арендт о банальности зла. Среди подобных экспериментаторов стоит выделить Стэнли Милгрэма и Филипа Зимбардо. Эти авторы не скрывали свою солидарность с выводами Арендт в книгах, посвященных своим экспериментам. Так, Стэнли Милгрэм пишет в работе «Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль»: «Однако, понаблюдав за тем, как в моих собственных экспериментах сотни обычных людей подчинялись авторитету, я склоняюсь к выводу: представление Арендт о “банальности зла” значительно ближе к действительности, чем может показаться. Ведь почему испытуемые наносили удары тока? Дело не в природной агрессивности. Они рассуждали просто: надо значит надо» [12, с. 28]. Из данного утверждения можно сделать вывод, что под влиянием авторитета любой человек, этому авторитету подчиняющийся, сделает что угодно. В своем эксперименте с шоковой машиной, который был опровергнут Джинной Перри, выявившей несоответствия в заявленных условиях и буквальных методах проведения эксперимента: например, в условиях было заявлено, что профессор должен отдать четыре команды, чтобы склонить одного испытуемого для нанесения ударом тока другому испытуемому, однако в самих записях профессор продолжает скло-

нять испытуемых и после четырех команд. Джину Перри, в свою очередь, критиковали за то, что она, во-первых, не учла, что Милгрэм проводил этот эксперимент не один, а множество раз, а во-вторых, то, что помимо Милгрэма этот эксперимент многократно повторяли и другие исследователи. Последний раз эксперимент Милгрэма проводился в 2015 г. Даже принимая критику относительно несоответствия методологии и самого эксперимента, вряд ли мы станем утверждать, что все 65 % (процент людей, согласившихся применить электрический ток к другому человеку) являются результатом этого несоответствия, особенно после того, как мы узнаем, что результат последнего эксперимента составляют уже 90 % [13].

Филип Зимбардо ссылается на Арендт как на вдохновителя своего эксперимента: «Слова Арендт о “банальности зла” остаются актуальными и сегодня, потому что геноцид до сих пор продолжается по всему миру, а пытки и терроризм не исчезают. Мы предпочитаем не думать об этом вопиющем факте и считаем безумие злодеев и бессмысленное насилие тиранов следствием их личной предрасположенности. Наблюдая ту гибкость, с которой социальные силы могут побудить нормальных людей совершать ужасающие поступки, Арендт первой поставила под сомнение эту точку зрения» [14, с. 439]. Но в отличие от шокового эксперимента Милгрэма, который так и не получил однозначного опровержения или подтверждения, тюремный эксперимент Зимбардо был опровергнут и повторен не был.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на наличие фактологических ошибок в попытках дать ответ на вопрос об истоках тоталитаризма, анализ Арендт самого явления тоталитаризма достоин внимания и дальнейшего осмысления, а проблемы, поднимаемые ею в этической области, предоставляют огромное поле для академического изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арендт Ханна*. Истоки тоталитаризма / Ханна Арендт ; пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева [и др.] ; послесл. Ю. Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. – М. : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд ; авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М. : Нов. лит. обозрение, 2013. – 448 с.
3. *Rosenbaum R.* The evil of banality / R. Rosenbaum. – URL: <https://slate.com/human-interest/2009/10/troubling-new-revelations-about-arendt-and-heidegger.html>
4. *Horowitz I. L.* Assaulting Arendt / I. L. Horowitz. – URL: <https://www.firstthings.com/article/2010/02/assaulting-arendt-footnoted-version>
5. *Staudenmaier P.* Hannah Arendt’s Analysis of Antisemitism in the Origins of Totalitarianism : a Critical

Appraisal / P. Staudenmaier // Patterns of Prejudice. – 2012. – Vol. 46, № 2 (May). – P. 154–179.

6. Avineri S. Where Hannah Arendt Went Wrong / S. Avineri. – URL: <https://www.haaretz.com>

7. Baehr P. Identifying The Unprecedented : Hannah Arendt, Totalitarianism, And The Critique Of Sociology / P. Baehr // American Sociological Review. – 2002. – Vol. 67, № 6 (Dec.). – P. 804–831.

8. Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания : попытки одолённого одолеть : пер. с нем. / Ж. Амери. – М. : Новое изд-во, 2015. – 200 с.

9. Штангнет Б. Эйхман до Иерусалима. Спокойная жизнь массового убийцы / Б. Штангнет ; пер. с нем. Н. Найденова. – М. : Изд-во редких книг, 2023. – 536 с.

10. Арендт Ханна. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Ханна Арендт. – М. : Европа, 2008. – 424 с.

11. Yanagizawa-Drott D. Propaganda and Conflict Theory and Evidence from the Rwandan Genocide / D. Yanagizawa-Drott // CID Working Paper. – 2012. – № 257 (August).

12. Милгрэм Стэнли. Подчинение авторитету : научный взгляд на власть и мораль : пер. с англ. / Стэнли Милгрэм. – М. : Альпина нон-фикшн, 2016. – 282 с.

13. Would You Deliver an Electric Shock in 2015? : Obedience in the Experimental Paradigm Developed by Stanley Milgram in the 50 Years Following the Original Studies / D. Dolinski, T. Grzyb, M. Folwarczny [etc.] // Social Psychological and Personality Science. – 2017. – Vol. 8 (8). – P. 927–933.

14. Зимбардо Филип. Эффект Люцифера : почему хорошие люди превращаются в злодеев : пер. с англ. / Филип Зимбардо. – 5-е изд. – М. : Альпина нон-фикшн, 2018. – 740 с.

Воронежский государственный университет

Артюхов А. С., студент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: artyom.artuyhov@mail.ru

Voronezh State University

Artyukhov A. S., Student of the Ontology and Theory of Cognition Department

E-mail: artyom.artuyhov@mail.ru